

СОВРЕМЕННЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ И ИХ ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

аспирант А. К. Стародубцева

Научный руководитель – д.э.н., доцент

Е. А. Федулова

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»,
г. Кемерово

Многие крупные компании заявляют о реализации экосистемной стратегии, стремятся создать экосистемы с большим числом постоянных пользователей. Авторы фундаментального отечественного обзора по экосистемам [8] отмечают два подхода к их пониманию в исследовательской традиции стран со зрелой рыночной экономикой:

– широкий, когда экосистему характеризуют как взаимозависимую общность, сообщество различных экономических акторов, активно взаимодействующих между собой, что позволяет осуществлять предпринимательскую деятельность;

– более узкий, в рамках которого экосистема – это формальное и неформальное объединение определенных экономических акторов, необходимое для их совместной работы по созданию ценности. Иными словами, здесь подчеркивается именно объединение партнеров для продуктивной деятельности, получения общих результатов, а не просто взаимодействие (которое в экономике было практически всегда).

Следовательно, основной сущностной характеристикой экосистемы является тесное взаимодействие участников между собой и с другими объектами для решения экономических задач (производство конкурентоспособной продукции и получение прибыли), которые невозможно решать отдельно друг от друга. В рамках экосистемы имеет место сотрудничество для увеличения, как общего, так и частного результата.

Цифровизация, компьютеризация, виртуализация не являются обязательным определяющим признаком любой экосистемы (они появились в тот период, когда компьютерные технологии еще не имели такого широкого распространения). Но в современных условиях большинство экосистем активно используют единую цифровую базу для взаимодействия участников. Поэтому цифровые экосистемы получили широкое распространение и добились крупных успехов на рынке. Примерами таких цифровых экосистем могут послужить ведущие мировые компании «Alibaba Group», «Apple», «Baidu», «Google», «Uber», «Xiaomi». В России активно развиваются цифровые экосистемы «Ростелеком» «Сбер», «Тинькофф», «Яндекс». Хотя имеют место и кейсы успешных экосистем, которые не базируются на цифровых технологиях.

Экосистемы обладают свойством структурности, характеризуются довольно сложным внутренним устройством. К пониманию структуры экосистемы также нет единого подхода. В работе С.А. Кузнецовой, В.Д. Марковой рассматривается структура экосистемы компании «1С» где основными компонентами являются:

- ядро или основа экосистемы в виде платформенной технологии;
- агенты (экономические акторы), включая держателя платформы, независимых разработчиков, сотрудничающих с ним, предприятия, осуществляющие продвижение и сбыт, покупатели и пользователи [6].

По мнению автора, укрупненно эта схема вполне адекватно описывает многие современные экосистемы, тем не менее, платформенная технология может отсутствовать, тогда состав экосистемы редуцируется до второго компонента.

Следовательно, структуру экосистемы в самом общем плане делят, как минимум, на ядро и периферию. Необходим определенный объект (технологический, организационный), который мог бы объединить вокруг себя других участников экосистемы. Например, С.В. Новиков рассматривает в качестве пейсмейкера и ядра инновационной экосистемы региона предпринимательский университет [7].

Однако экосистемы «Сбера» и «Тинькофф» схожи в том плане, что предоставляют клиентам доступ к широкому кругу как финансовых, так и нефинансовых услуг. Очень широкий спектр возможностей, привлечение в экосистемы партнеров из совершенно разных видов экономической деятельности позволяет охарактеризовать эти экосистемы одновременно как конгломератные и основанные на определенных платформах.

Поскольку в российской экономике экосистемы активно создают именно банки, очень серьезно выходя за рамки традиционного банковского бизнеса, уместно остановиться на финансовой экосистеме как научном понятии.

В исследовании К.В. Быковой отмечается, что финансовая экосистема обеспечивает удовлетворение как финансовых, так и нефинансовых потребностей с ориентацией на нужды клиента на базе информационных технологий [3]. Кратко охарактеризованные выше экосистемы «Сбера» и «Тинькофф» вполне подпадают под такую трактовку. Но остается не вполне ясным, можно ли называть экосистемы, созданные банками, и предоставляющие заведомо нефинансовые услуги (заказ продуктов, такси, билетов и т.д.), финансовыми экосистемами, учитывая смысл фундаментального экономического понятия «финансы».

Более того, бизнес банков в нефинансовой сфере вызывает определенные опасения центральных банков разных стран, предпринимаются попытки ограничить его. Так, по сообщениям ряда средств массовой информации Центральный Банк Российской Федерации обеспокоен вложениями коммерческих банков в нефинансовые сервисы, поскольку они непродук-

тивны и замораживают капитал. К таким банкам будут предъявляться повышенные требования [5].

Кроме того, по мнению регулятора, формирование экосистем на базе банков негативно сказывается на конкурентной среде, поскольку доступ к каналам распределения становится ограниченным, создаются нерыночные преимущества для части игроков [4]. Следовательно, по мнению Банка России «увлечение» финансовой организации нефинансовым бизнесом не всегда желательно, их экосистемы должны оставаться в большей мере финансовыми, чем мультиотраслевыми. В контексте данного исследования это означает, что возможности банка возглавлять такую экосистему являются ограниченными.

По мнению А.В. Царегородцева и др., «финансовая экосистема представляет собой совокупность цифровых сервисов и услуг из различных областей деятельности человека – “продуктов экосистемы”, объединённых в рамках одной организации, чаще всего, вокруг технологической платформы, которая обеспечивает “единую точку входа” для всех услуг и сервисов» [11]. В таком определении вообще отсутствует какой-либо финансовый аспект, оно применимо к любой экосистеме.

Ж.В. Писаренко предпочитает использовать для характеристики процессов, происходящих на финансовых рынках, термин «финансовый конгломерат» как современный уровень развития финансовых экосистем. Она отмечает, что такие конгломераты предоставляют как финансовые, так и нефинансовые продукты, услуги, но первые должны доминировать [9]. С таким подходом можно в принципе согласиться – в финансовой экосистеме преобладают финансовые виды деятельности. Но установить конкретные граничные значения для определения этого факта будет чрезвычайно сложно, если вообще возможно.

Таким образом, изучение точек зрения различных ученых по поводу того, что такая финансовая экосистема позволяет выделить два конструктивных момента – экосистема возглавляется финансовой организацией (банком, страховой компанией) и в ней преобладают финансовые услуги. В то же время используется, хотя и реже, также термин «банковская экосистема» [2, 10].

Исследующие их авторы отмечают в качестве главной характеристики омниканальность, то есть создание бесшовного клиентского пути для подключения к каналу сбыта, предоставляющему самые разные возможности, со значительной долей нефинансовых товаров и услуг [1]. Безусловно, термин «банковская экосистема» намного проще истолковать, его смысл очевиден (экосистема, ядром которой является банк). Финансовая экосистема – намного более сложное понятие.

Остается неясным, в каких пропорциях должны сочетаться финансовые и нефинансовые компоненты, чтобы экосистему можно было называть финансовой. Кроме того, банковские экосистемы в реальности могут не

соответствовать признаку преобладания финансовых услуг, на каком бы уровне мы не установили граничный критерий. Поэтому в дальнейших исследованиях было бы более приемлемо использовать термин «экосистема финансовой организации».

Как уже частично отмечалось выше, большое влияние на экосистемы бизнеса оказала цифровая трансформация. Если активные исследования экосистем начались в 1990-х гг., то на практике они возникли еще раньше (академическое изучение новых экономических феноменов осуществляется с определенным временным лагом). Но в этот период уровень распространения и развития цифровых технологий был существенно ниже нынешнего. Использование потенциала современных информационно-коммуникационных технологий в цифровой экономике, тем не менее, привело к радикальной цифровой трансформации экосистем.

Цифровая трансформация экосистем предполагает комплексный охват цифровыми технологиями всех происходящих в ней процессов. Цифровые технологии уже изменили множество бизнес-моделей и стали технологической основой экосистемы. В основе современных банковских экосистем, как правило, лежит цифровая платформа, через которую потребитель взаимодействует с ядром экосистемы, а экосистема уже, в свою очередь, со своими партнерами.

Цифровую трансформацию обусловили такие технологические сдвиги, как резкое увеличение мощности, вычислительной производительности различных гаджетов (например, сотовых телефонов и планшетов) с одновременным снижением их стоимости до уровня, доступного самым широким слоям потребителей, всеобщее распространение Интернет-технологий и доступа в Интернет по приемлемым ценам, широкое тиражирование облачных технологий, накопление и активное использование больших данных (Big Data), бурное развитие специализированного программного обеспечения и технологических стартапов.

Безусловно, серьезный импульс цифровой трансформации придало распространение коронавирусной инфекции COVID-19 и ограничительные меры, связанные с ней, обусловившие спрос на бесконтактные решения. Однако технологическая база для такой трансформации уже существовала. В настоящее время взаимодействие конечного пользователя с банковской экосистемой может полностью осуществляться через Интернет без каких-либо личных контактов. Работа организатора экосистемы с партнерами также в значительной степени осуществляется в цифровом формате.

Однако цифровая трансформация заключается не только в возможности получать все необходимое, используя исключительно смартфон, в котором содержится даже банковская карта. Еще более важно, что в процессе цифрового взаимодействия накапливаются такие объемы данных, каких не существовало в истории человечества. Это меняет подходы к маркетингу и построению операционных процессов. Экосистема выходит на новый уро-

весь знаний о потребителе и предложений, адресованных ему. Таким образом, благодаря цифровой трансформации эффективность использования ресурсов экосистемы увеличивается многократно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ашурбекова, З. Н., Мусаева, З. А. Банковские экосистемы как новое направление трансформации банковского сектора России // Теория и практика мировой науки. – 2021. – № 5. – С. 19–22.
2. Быканова, Н. И., Соловей, Ю. А., Гордя, Д. В., Коньшина, Л. А. Формирование экосистем банков в условиях цифровизации банковского пространства // Экономика. Информатика. – 2020. – Т. 47. №1. – С. 91–100.
3. Быкова, К. В. Новая бизнес модель: финансовая экосистема // Вектор экономики. – 2020. – № 11. – С. 49.
4. Кошкина, Ю., Чернышова, Е. Банк России увидел риски в создании банковских экосистем // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/finances/23/06/2021/60d2db9c9a79471e3d878324> (дата обращения: 30.12.2022).
5. Кошкина, Ю., Чернышова, Е. ЦБ ограничит для банков строительство экосистем. Непрофильные активы регулятор сравнил с холестерином — их не должно быть много // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/finances/23/06/2021/60d2db9c9a79471e3d878324> (дата обращения: 30.12.2022).
6. Кузнецова, С. А., Маркова, В. Д. Проблемы формирования бизнес-экосистемы на основе цифровой платформы: на примере платформы компании 1С // Инновации. – 2018. – № 2. – С. 57.
7. Новиков, С. В. Структура, основные драйверы и тенденции развития инновационной экосистемы современного университета // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2021. – № 2. – С. 41–49.
8. Овчинникова, А. В., Зимин, С. Д. Рождение концепции предпринимательских экосистем и ее эволюция // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – Т. 11. – № 6. – С. 1497–1514.
9. Писаренко, Ж. В. Формирование экосистемных финансовых конгломератов (на примере Китая) // Страховое дело. – 2020. – № 5. – С. 4.
10. Фарберова, М. А. Банковские экосистемы // Интернаука. – 2021. – № 21. – С. 6–10.
11. Царегородцев, А. В., Романовский, С. В., Волков, С. Д., Самойлов, В. Е. Управление рисками информационной безопасности цифровых продуктов финансовой экосистемы организации // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. – 2020. – № 8 (4).